

УЧАСТИЕ АДАМА МИЦКЕВИЧА В ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПОЛЬСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭМИГРАЦИИ СЕРЕДИНЫ XIX В.

Светлана Михайловна Фалькович –
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник
Института славяноведения РАН, Москва.
falkowicz-s@mail.ru

Аннотация

Великий польский поэт Адам Мицкевич, патриот, революционер и демократ, активно участвовал в политической деятельности польской эмиграции 30–50-х годов XIX в. Призывая соединить борьбу поляков за национальную независимость с освободительным движением европейских народов, Мицкевич стал яркой фигурой «Весны народов» 1848–1849 гг.: он был создателем международного революционного издания «Трибуна народов»; сформированный им польский легион сражался за свободу народов Италии, Германии, Венгрии и других европейских стран. Во время Крымской войны 1853–1856 гг. Мицкевич стремился использовать международную обстановку для поддержки борьбы польского народа против царизма. С этой целью он вел переговоры в Париже, а затем в Константинополе, где и скончался в 1855 г.

Ключевые слова

Адам Мицкевич, польская политическая эмиграция, польский легион Адама Мицкевича (1848–1849 гг.), газета «Трибуна народов», Крымская война 1853–1856 гг. и планы Мицкевича.

ADAM MICKIEWICZ AND THE POLISH POLITICAL EMIGRATION IN THE MID-NINETEENTH CENTURY

Svetlana M. Falkovich –
Doctor of Sciences,
Leading Researcher, Institute of Slavic Studies,
Russian Academy of Sciences, Moscow.
falkowicz-s@mail.ru

Abstract

Adam Mickiewicz, a revolutionary and a democrat, was actively involved in the political activities of the Polish emigration in the 1830s–1850s. Calling to consolidate the struggle of the Poles for national independence and the liberation movement of European nations, Mickiewicz became a prominent figure of the «Peoples' Spring» of 1848–1849: He founded the international revolutionary newspaper «La Tribune des Peuples». The Mickiewicz Legion (also known as the Polish Legion) fought for freedom of the peoples in Italy, Germany, Hungary and other European countries. During the Crimean War (1853–1856), Mickiewicz sought to use the international situation to support the struggle of the Polish people against tsarism. In order to do it, he negotiated with different groups in Paris and then in Constantinople, where he died in 1855.

Keywords

Adam Mickiewicz, Polish political emigration, Polish Legion in 1848–1849, newspaper «La Tribune des Peuples», Crimean War (1853–1855) and Mickiewicz's plans.

Период между двумя восстаниями, происходившими в Королевстве Польском в 1830–1831 и 1863–1864 гг., характеризовался активным участием многотысячной польской эмиграции в политической жизни Польши и Европы. Внутри эмигрантского сообщества существовали различные идейные течения, сторонники которых по-разному определяли задачи и способы борьбы за возрождение независимого Польского государства. Главный спор по выработке основных позиций эмиграции происходил между его демократическим и консервативным крылом. В этом споре, развернувшемся в середине XIX в., деятельное участие принял и великий польский поэт Адам Мицкевич.

А. Мицкевич прибыл во Францию летом 1832 г. и сразу занял видное место в среде демократов. Он вступил в ряд эмигрантских организаций — в Славянское общество, Общество литовских и русских (то есть украинских. — С. Ф.) земель, Общество научной помощи, а также в Польский национальный комитет. Одновременно он работал в парижском эмигрантском издании «*Pielgrzym Polski*» («Польский пилигрим»), занимался редактированием и сам писал статьи. Ранней осенью 1832 г. в Париже появились «Книги польского народа и пилигримства», и их автор стал весьма популярным среди польских эмигрантов¹. Как и статьи в газете «Польский пилигрим», «Книги» Мицкевича отражали общий настрой поляков в начале их жизни в изгнании, так как были проникнуты верой в близость всеобщей революции. Уже в 1832 г. поэт предсказывал падение «правителей Франции», «говорящих о свободе и служащих деспотизму»; порядок, существовавший в Европе, он называл «временным и преходящим», так как верил в «святой союз народов» и отмечал, что «теперь политическая сцена и перспективы народов расширились неимоверно». В этой обстановке Мицкевич ставил задачу объединения народов в борьбе за свободу. Он писал о «первейшем, наиглавнейшем и наивысшем стремлении народов» и определял его как «стремление к согласию, к соединению, к отождествлению интересов, без чего невозможно будет понять всеобщей свободы»². Поэт рассчитывал, что в новой обстановке Польша сможет осуществить свои великие цели, опираясь на союз народов. Выдвигая на первый план борьбу поляков против царизма, Мицкевич намечал и пути борьбы русского народа, который он включал в общий «союз народов». Он верил в «возрождение России», и это нашло отражение как в его статьях, так и в поэтическом творчестве. Не случайно автор статьи в газете «Польский пилигрим», говоря о поэме Мицкевича «Дзяды»,

¹ *Śliwiński A.* Mickiewicz jako polityk. Kraków, 1908. S. 39–40; *Łużaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. Warszawa, 1951. S. 30; *Nowak A.* Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji. 1831–1849. Warszawa, 1994. S. 98–99.

² *Mickiewicz A.* Dzieła. T. 6. Warszawa, 1955. S. 55–56, 173; *Postępowa publicystyka emigracyjna. 1831–1846.* Wybór źródeł. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk, 1961. S. 112–114.

выражал убеждение в том, что «непредвзятый и ощущающий свое достоинство русский прочтет это произведение со слезами на глазах»³.

В предстоящей борьбе Польши за свободу Мицкевич отводил важное место польской эмиграции. Свой взгляд на ее роль он определил уже в начале 1830-х годов, заявив на страницах редактируемого им издания: «Эмиграция — это огромное посольство, поставленное перед лицом народов Европы». Понимая эту международную ответственность, Мицкевич в то же время настаивал на самостоятельности позиции польской эмиграции, в частности, выступая против вовлечения французской общественности в ее внутренние дела, в противоречия, возникавшие между польскими эмигрантскими партиями и течениями. Вместе с тем он требовал сохранения независимого положения польской эмиграции и в 1840-е годы протестовал против введения французским правительством особого режима для находившихся во Франции поляков⁴.

Поскольку для укрепления авторитета польской эмиграции в европейских странах нужно было положить конец разладу в ее среде, уже в 1832 г. стала разрабатываться мысль о создании за границей польской центральной власти, в том числе возникали планы созыва бывших послов (депутатов) и сенаторов сейма Королевства Польского, либо проведения выборов в новый сейм всеобщим голосованием. Первый план, получивший поддержку ряда демократических эмигрантов, одобрял и Мицкевич. При этом он выступал за предоставление будущему сейму более широких полномочий, так как думал о придании ему характера законодательного собрания народов Европы. По мысли Мицкевича, такой сейм должен был противостоять европейским правительствам как врагам, поскольку ни один из европейских парламентов не выражал воли своего народа. Поэт требовал, чтобы новоизбранный сейм заявил, что будет представлять волю народов, и провозгласил «принципы, которые должны служить основой их свободы»⁵.

О твердой демократической позиции Мицкевича свидетельствовали и обстоятельства, связанные с реакцией в эмигрантской среде на речь Т. Кремповецкого, произнесенную в Париже 29 ноября 1832 г. во время торжества, посвященного годовщине восстания в Королевстве Польском. Оратор обвинил шляхту в гибели восстания, разоблачив политику его шляхетского руководства, и выдвинул лозунг сочетания политической борьбы за национальное освобождение с аграрной революцией. Когда часть видных деятелей демократической эмиграции обратилась к французской общест-

³ Piełgrzym Polski. 13.I 1833; Nowak A. Między carem a rewolucją... S. 99–104.

⁴ Piełgrzym Polski. 20.III, 12.VI 1833; Postępowa publicystyka... S. 111; Łukaszewicz W. Tadeusz Krępowiecki: żołnierz-rewolucjonista. 1798–1847. Warszawa, 1954. S. 75; Śliwiński A. Mickiewicz... S. 126; Mickiewicz W. Żywot Adama Mickiewicza. T.IV. Poznań, 1895. S. 124–125, 162–163.

⁵ Śliwiński A. Mickiewicz... S. 45–48; Mickiewicz W. Żywot Adama Mickiewicza. T. IV. S. 207; Młynarski Z. Źródła polskiej demokracji. Kraków, 1950. S. 76.

венности с письмом, где подчеркивалось, что восстание 1830–1831 гг. являлось национальным и имело поддержку всех классов общества, Мицкевич был в числе подписавших это послание. Однако позже, когда поэт стал членом специальной комиссии, решавшей вопрос о публикации речи Кремповецкого, выяснилось, что он не слышал выступления оратора и не знаком с текстом речи. Заявив об этом, Мицкевич потребовал анализа полного текста и отказался от принятия поспешного решения до окончательного выяснения вопроса⁶.

В это время в Европе ощущалась атмосфера нарастания революционных настроений и ожидания революционного взрыва. Веяния времени остро чувствовал Мицкевич, заявлявший: «Где только в Европе имеют место угнетение свободы и борьба за нее, там идет борьба за Родину, и все должны сражаться в этой борьбе»⁷. Прежде всего, он имел в виду польские земли и в этой связи думал о союзниках поляков в будущих революционных событиях. Не случайно было его содействие И. Лелевелю в подготовке воззвания «К братьям русским», призывавшего к совместной борьбе⁸. Внимание его к этому вопросу усилилось и в тот период, когда он оказался связанным с кафедрой славянских языков и литературы, образованной в 1840 г. при парижском Коллеж де Франс. Мицкевич активно участвовал в создании кафедры и в декабре 1840 г. стал ее первым профессором. Он читал лекции до мая 1844 г. на французском языке, и они привлекали внимание не только польских, но и иностранных слушателей, что было вполне закономерно: само создание кафедры являлось, в частности, результатом роста интереса европейской общественности к славянским народам, на которых смотрели с надеждой как на препятствие российской угрозе. Что же касается польских эмигрантов, то большая их часть, в том числе и представители демократического крыла, считали, что кафедра «должна стать угрозой для России и отрадой для Польши». Однако Мицкевич в своих лекциях стремился беспристрастно проанализировать историю взаимоотношений двух славянских народов, выявить истоки их «розни» и сформулировать основы их будущего «единства», которое он считал необходимым для победы в борьбе против угнетателей. При этом он указывал на богатое прошлое истории России, подчеркивал высокое развитие культуры русского народа⁹.

Несомненно, такой взгляд Мицкевича на русский народ и его культурное развитие был во многом продиктован недавним общением поэта с Рос-

⁶ *Łukaszewicz W.* Tadeusz Krępowiecki. S. 65–66; *Idem.* Stanisław Gabriel Worcell. S. 30–31; *Discours de Thadée Krempowiecki prononcé à Paris le 29 Novembre 1832, anniversaire de la révolution Polonaise.* Paris, 1833.

⁷ *Mickiewicz A.* Dzieła. T. 6. S. 52; *Zdrada J.* Wielka emigracja po powstaniu listopadowym. Warszawa, 1987. S. 21.

⁸ *Postępową publicystyką...* S. 20, 50–55; *Nowak A.* Między carem a rewolucją... S. 102–103; *Борисенюк Ю.А.* Михаил Бакунин и «русская интрига». 1840-е годы. М., 2001. С. 150–151.

⁹ *Mickiewicz A.* Dzieła. T. VIII. Warszawa, 1958. S. 16; *Nowak A.* Między carem a rewolucją... S. 286–291.

сией и близостью с выдающимися представителями русской культуры. Но был и иной фактор, повлиявший на общую тональность лекций Мицкевича. Он думал о создании религиозного братства «с христианской и польской целью»: для Польши, утверждал он, нет иного спасения. В 1834 г. он подписал акт создания ордена Общества польского воскресения, а позже увлекся идеями Анджея Товяньского, основателя оформившегося к началу 1840-х годов Кола слуг Божьего дела. Мицкевич примкнул к «товяньчикам», его воодушевляла мысль о предназначении славян, и в том числе поляков, избранных свыше «для принятия нового духа», «для создания совершенно новой общности». Поэт утверждал, что смысл и специфика исторического процесса еще не разгаданы, что неудачи и трудности славянства, включая поляков, не обязательно означают слабость и ошибочность их политики, а, возможно, ведут к началу новой славянской эры в истории человечества. Он отмечал связь упадка Польши с тем, что именно Польше был свойственен «инстинкт христианской политики», определявший ее «авангардную христианскую миссию» и обеспечивавший ее моральное превосходство, противопоставленное физическому превосходству соседей. Тем не менее, он не давал окончательной оценки событий, имевших место как в Польше, так и в России, с этих позиций, а рассчитывал на общее будущее народов¹⁰.

Подобная постановка вопроса не устраивала большинство польского эмигрантского сообщества, в том числе его демократическое крыло. В адрес автора лекций была направлена волна критики; осуждению подверглась и связанная с их трактовкой панславистская окраска позиции Мицкевича, развивавшей мессианистские идеи Товяньского. Поскольку на лекциях было немало русских, ряд из них также обратили внимание на мессианизм поэта, другие узнали о мессианском «душке» лекций позже и были разочарованы. Так, А.И. Герцен сожалел, что «эта белая горячка» «вскружила голову [...] самому Мицкевичу», а М.А. Бакунин, отмечая, что поэт «погряз в товянизме», признавался его сыну Владыславу Мицкевичу в том, что парижские лекции «вызывали у него тошноту». Однако критики не учитывали важное отличие позиции поэта от позиции Товяньского: последний на почве мессианства отказывался от всякой борьбы и призывал к пассивности, тогда как Мицкевич выступал как патриот, веривший в торжество справедливой борьбы славянства. Это отличие позиций было существенным, и не случайно уже в 1846 г. поэт разошелся с Товяньским¹¹.

¹⁰ *Łudwikowski R.* Główne nurty polskiej myśli politycznej. 1815-1890. Warszawa, 1982. S. 140-148. См. также: *Фалькович С.М.* Религиозные течения в польской эмиграции на фоне подъема национально-освободительного движения в Польше в 50-60-е гг. XIX в. // *Studia Polonica.* К 70-летию В. А. Хорева / Отв. редактор В.К. Волков. М., 2002. С. 53-59.

¹¹ *Nowak A.* Między carem a rewolucją... S. 291-304; *Герцен А.И.* Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. X. М., 1956. С. 41; *Бакунин М.А.* Собрание сочинений и писем. Т. 3. М., 1935. С. 305; *Борисёнок Ю.А.* Михаил Бакунин... С. 107, 175; *Малютин Г.А.* Русский вопрос в общественно-политической мысли в 1830-е — начале 1860-х гг. СПб., 2013. С. 143-144.

То, что патриотизм Мицкевича не подвергался сомнению, подтвердило всё дальнейшее развитие событий: когда в 1848 г. во Франции началась революция, польские эмигранты, принявшие ее с энтузиазмом, вновь вернулись к мысли о необходимости объединения и выдвинули план создания эмигрантской конфедерации во главе с тремя авторитетными политиками, одним из которых был назван Мицкевич. Поэт отказался от предложения, так как серьезно и ответственно анализировал состояние эмиграции в этот момент: он заявил, что конфедерация, не имеющая какой бы то ни было руководящей идеи и «органичного принципа», стала бы всего лишь «слепком разнородных элементов» и развалилась при первом сотрясении. В отличие от аристократической партии консервативной эмиграции, надеявшейся на поддержку европейских правительств в деле восстановления национальной независимости Польши, Мицкевич утверждал: «Между Польшей и правительствами нет и не может быть союза [...]. Нашими единственными союзниками являются враги этого старого порядка в Европе»¹².

Речь шла, в частности, о поддержке развернувшейся в это время борьбы итальянского народа за национальную независимость, и в такой обстановке Мицкевич сблизился с итальянскими революционерами, прежде всего с Дж. Мадзини. Последний был восторженным почитателем Мицкевича как поэта и патриота, ставил его выше Г. Гейне и Дж. Байрона. Он сам переводил стихи Мицкевича на итальянский язык и посылал их своей матери как пример патриотической поэзии, чтобы итальянские матери учили на них своих детей любви к родине. Собираясь издавать библиотеку запрещенных революционных книг, он думал о переводе мицкевичевских «Книг польского народа и пилигримства», так как видел в них соединение патриотической любви с истинно христианским духом и на этой основе звал народы к борьбе за свободу под лозунгом «Бог и человечество». Мадзини подготовил к публикации в издании «The Polish monthly magazine» («Польский ежемесячник») статью о творчестве Мицкевича и английские переводы ряда его стихов. Он называл поэта национальным «пророком», чей «голос является голосом миллионов людей», кричащих о том, что «их существование как народа не закончено, что Польша должна еще выполнить великую миссию, что она осознает свое предназначение, желает его исполнить и исполнит». Итальянский революционер считал важным подчеркнуть также связь творчества Мицкевича с возрождением в Польше социальной идеи, «которая является [...] душой каждого его поэтического творения»: «люди», — утверждал он, — [...] есть ее верный истолкователь»¹³.

¹² *Sliwiński A. Mickiewicz...* S. 74–75, 124, 162–163; *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30-х — 60-х годов XIX века. М.; СПб., 2017. С. 130.

¹³ *Łukaszewicz W. Wpływ masonerii, karbonaryzmu i Józefa Mazziniego na polską myśl rewolucyjną w latach poprzedzających Wiosnę Ludów.* Warszawa, 1951. S. 311–313, 321–322.

В 1848 г. Мицкевич и Мадзини объединили усилия в деле организации помощи революционной борьбе итальянского народа. Мицкевич обратился к главе Сардинского королевства Карлу Альберту, представив ему проект создания польского легиона. При этом он ссылаясь на поддержку со стороны Мадзини и высоко о нем отзывался. Во время переговоров, в которых итальянский революционер также участвовал, Мицкевич требовал избрания командира будущего легиона путем всеобщего голосования. 29 марта 1848 г. договор о создании польского военного формирования был подписан, и в него вступили обратившиеся к Мицкевичу добровольцы. Это был ответ на обращение временного миланского правительства к «благородным полякам, братьям по борьбе и надеждам», ответ на призыв о помощи «в целях поражения общего врага» — австрийцев. Поэтому в договоре было подчеркнуто, что обязанностью польских эмигрантов является борьба вместе с итальянцами. Формирование легиона осуществлялось на демократических началах, и это нашло отражение в договоре: должны были соблюдаться принципы выборности офицеров солдатами и коллективного решения наиболее важных вопросов; спорные дела, в том числе затрагивавшие вопросы чести, подлежали компетенции «братских судов». Легион получил благословение Папы Римского, которого Мицкевич призвал поддержать борьбу народов за национальное освобождение. «Легионеры» выступали под красно-белым знаменем с крестами и с изображением польского орла. Надпись на знамени «Первый польский отряд» сочеталась с лозунгом «Славянство», поскольку целью легиона объявлялось оказание «политической и родственной помощи» «брату Чеху и побратимским чешским народу, брату Русу и руским [то есть украинцам на польских территориях и малороссам в Российской империи. — С. Ф.] народам». Понятие «Славянство» охватывало также и русский народ, так как Мицкевич был уверен, что «близок день, когда московская армия, бросив винтовки, начнет обниматься с польским людом»¹⁴.

Содержание лозунгов, под которыми происходило формирование польского легиона, было связано с основополагающей политической платформой Мицкевича, получившей название «Собрание принципов». В ее основе лежали принципы христианской веры: слово Божие провозглашалось законом народов, а церковь — его стражем. «Собрание принципов» объявляло Родину «полем жизни Божьего слова на земле», а конкретизацией этого тезиса была задача освободительной борьбы польского народа: «Польша встает в свободном и независимом облике и подает руку Славянщине». Утверждались основные черты этого нового независимого облика как в социальном, так и в политическом плане. Собственность должна была стать

¹⁴ *Mazzini J. Scritti. Milano, 1864. P. 52-53; Lewak A. Ideologia polskiego romantyzmu politycznego a Mazzini. Warszawa, 1934. S. 11; Kieniewicz S. Historia Polski. 1795-1918. Warszawa, 1969. S. 197; Legion Mickiewicza. Wybór źródeł. Wrocław, 1958. S. 79, 131; Śliwiński A. Mickiewicz... S. 124, 127-130; Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция... С. 130-131.*

неприкосновенной и охраняться национальной властью, каждой семье полагалась «своя обрабатываемая земля под опекой гмины, каждой гмине — общинная земля под опекой нации». Гражданам будущей Польши гарантировались равенство, свобода слова и вероисповедания, свободный выбор власти; равенство и гражданские права должны были получить женщины, а также евреи и представители славян. Автор «Собрания принципов» считал разработанные им христианские и демократические основы взаимоотношений представителей различных народов очень важными для борьбы за общую цель их освобождения. На это он указал в беседе с русскими эмигрантами, обратившимися к нему перед выступлением польского легиона из Парижа и заявившими о готовности русских солдат поддержать борьбу поляков. Мицкевич подчеркнул, что важнейшей задачей русского народа является избавление от духовного рабства, которое использует царизм. Пример духовного возрождения народов, «вычеркнутых тиранией из книги жизни», он видел в союзе итальянцев и отправлявшихся в Ломбардию поляков. Последних Мицкевич призывал «самоотверженно отстаивать итальянскую независимость» и тем самым стать «действительно полезными [...] будущим интересам Польши». «Служа Италии, — разъяснял он, — поляки содействуют приближению освобождения Польши; способствуя распаду Австрийской империи, они помогают освободить пять миллионов поляков — ее подданных. Они предоставляют также возможность примыкающим к Италии славянским провинциям [...] проявить на деле свои устремления». В связи с этим Мицкевич призывал к созданию славянского корпуса; такой призыв прозвучал, в частности, на митинге во Флоренции, и первыми на него откликнулись славянские моряки, присоединившиеся к польскому легиону, когда тот вступил в Ливорно¹⁵.

Весна 1848 г. стала временем триумфального прохода легиона по земле Италии. В течение 15 месяцев около 500 «легионеров» прошли через Болонью, Модену, Парму, Лоди и ряд других городов, где их приветствовали восторженные толпы; стихийно возникали манифестации и митинги. Так было и в Милане, куда легион прибыл 1 мая 1848 г. Здесь Мицкевич обратился к ломбардскому руководству, стараясь убедить его в необходимости призвать далматинских славян к восстанию против австрийской власти, создать особый славянский легион и побудить к выступлению против Вены славянские полки армии Габсбургов. Поскольку последние дислоцировались в Далмации, он предлагал французскому правительству ввести туда свои войска и послать на Адриатику флот. Когда же поражение ломбардской армии привело к заключению королем Карлом Альбертом перемирия

¹⁵ Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30-70-е годы XIX в.) / Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 1991. С. 82; Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция... С. 130-132; Śliwiński A. Mickiewicz... S. 130-136, 138, 141-143; Nowak A. Między carem a rewolucją... S. 321-322, 325, 352.

с Австрией, польский легион перешел в Пьемонт, а затем в Тоскану. И хотя тосканские власти оказали полякам денежную поддержку, но ее не хватало для того, чтобы укрепить военные силы «легионеров», увеличив их число. Поэтому в июне 1848 г. Мицкевич выехал в Париж, где добился формирования четырех новых отрядов под командой М. Ходзько и Ю. Гауке. Предполагалось после перемирия в Ломбардии возобновить там военные действия против австрийцев, и Мицкевич рассчитывал на дальнейшее пополнение польских вооруженных сил, подчеркивая: «Старые эмигранты и вообще желающие нести военную службу до сих пор имеют поле деятельности только в Италии»¹⁶.

Свое пребывание в Париже Мицкевич использовал также для решения еще одной задачи, которую считал важнейшей: необходимо было привлечь внимание общественного мнения Европы к польскому вопросу и к борьбе поляков как на польских землях, так и на других территориях. С этой целью поэт возглавил депутацию к Луи Наполеону Бонапарту, избранному президентом Французской республики, но основной расчет Мицкевича был не на него, занявшего уклончивую позицию, а на демократические круги европейской общественности, прежде всего во Франции. Этот расчет вполне оправдался, так как при помощи и поддержке французских революционеров и представителей революционной демократии других народов был организован выпуск газеты «La Tribune des Peuples» («Трибуна народов»). Издание осуществлялось в Париже под редакцией Мицкевича, который выступал на страницах газеты и как публицист — автор ряда статей. Секретарем редакции стал Э. Хоецкий, а среди сотрудников находились представители революционных и демократических течений разных народов — как французы и поляки, так и два десятка иностранцев — эмигранты из Германии, Италии, Испании и других европейских стран, в том числе итальянец Н. Томмазо, чех К. Мензингер, югослав Пугич, русские И. Г. Головин и Н. И. Сазонов. Последние активно сотрудничали в газете, писали о революционных традициях русского народа, напоминали о декабристах, о творчестве глашатаев свободной русской мысли — А. С. Пушкина, М. Ю. Лермонтова, А. С. Грибоедова, В. Г. Белинского, Н. А. Полевого. Всё это служило подтверждением для главного вывода: «Еще одно усилие, и русский народ сбросит ярмо фальшивой старой системы, чтобы явиться перед Европой молодым, сильным и свободным». На это надеялись и польские революционеры, которые, как, например, Л. Савашкевич, сообщали в редакцию о раскрытии заговора «петрашевцев» и о других фактах существования в России тайных революционных организаций. В газете появлялись и оценки позиции некоторых деятелей русского революционного движения по отношению к Польше и к русско-польскому революционному союзу.

¹⁶ *Słowiński A. Mickiewicz...* S. 135, 138, 162; Национальное движение в Центральной Европе... С. 82.

Так, например, Бакунин был назван «симпатизирующим Польше» «лидером республиканского течения под названием полонорусской партии»¹⁷.

Издатели «Трибуны народов» рассчитывали на революционное движение народов, направленное как против русского самодержавия, так и против других угнетателей польского народа, и лозунг «восстановления свободной и независимой Польши» сочетали с призывом к революционной «солидарности народов». Выдвинутый газетой лозунг создания на пространстве между Адриатикой, Балтикой и Черным морем «федерации свободных обществ, живущих по принципам подлинной демократии», звал народы к единению под знаменем свободы, равенства и братства для борьбы против Габсбургской монархии. В этой связи на первый план выходил всё тот же союзник поляков — итальянский народ. Газета Мицкевича активно поддерживала итальянских радикалов, выступая в их защиту. В статье «Мадзини и мадзинисты», опубликованной на страницах «Трибуны народов», разъяснялось значение деятельности итальянского революционного лидера. Газета приветствовала возобновление издания в Риме печатного органа Мадзини «L'Italia del Popolo» («Народная Италия»). В свою очередь итальянский революционер оказывал полякам постоянную поддержку, помогал польскому легиону в Милане. Когда в 1849 г. возникла Римская республика, Мадзини как ее триумвир предложил поставить ей на службу польский легион, и соглашение с поляками о создании такого легиона было подписано. В нем говорилось, что Польша — сестра Италии, а члены сформированного польского легиона представляют будущую независимую Польшу. Легион имел право на польскую национальную атрибутику, а его члены получали жалование от Римской республики. Они освобождались от службы в Италии в случае возникновения вооруженной борьбы в Польше¹⁸.

Все обязательства, записанные в соглашении с Мадзини, 200 польских «легионеров» выполнили с честью. В течение нескольких недель до конца июня 1849 г. они вместе с итальянскими отрядами под руководством Дж. Гарибальди держали оборону в Риме, защищаясь от атак французского корпуса, и заслужили похвалу из уст Мадзини. В свою очередь, в письме к вождю итальянской революции Мицкевич также выразил гордость и удовлетворение в связи с героической борьбой польского легиона, назвав его «республиканской и социальной армией». Он выступил с резким осуждением попыток Франции уничтожить революционную Римскую республику путем военной интервенции, и за публикацию этого протеста в «Трибуне народов» издание газеты в июне 1849 г. было приостановлено. Вскоре в

¹⁷ *Kieniewicz S. Historia Polski. S. 201–202; Śliwiński A. Mickiewicz... S. 165; Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция... С. 132; Борисёнок Ю.А. Михаил Бакунин... С. 162.*

¹⁸ *Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция... С. 132–133; Śliwiński A. Mickiewicz... S. 165; Kieniewicz S. Legion Mickiewicza. 1848–1849. Warszawa, 1955. S. 159, 162–163; Legion Mickiewicza. Wybór źródeł. S. 59; Lewak A. Ideologia polskiego romantyzmu... S. 11. См. также: La Tribune des Peuples. 15, 27. III; 6.IV; 4, 17.V; 7, 10.VI. 1849.*

Париже прошли массовые антиправительственные манифестации, и издатели «Трибуны народов» поддержали выступления парижских трудящихся. Это было не случайно, так как внимание Мицкевича привлекала активная позиция французского рабочего класса, он подчеркивал связь международно-политического и социального аспектов революции и утверждал, что пролетариат может добиться улучшения своего положения, «лишь встав с оружием в руках на защиту страдающих и обездоленных всего мира». В связи с поддержкой парижских манифестаций «Трибуна народов» была окончательно закрыта французским правительством, но принципиальная позиция издателей газеты стала известна европейской демократической общественности, так как французская либеральная пресса опубликовала текст протеста польских членов редакции, направленного властям еще ранее, после приостановки издания газеты. «Польская часть “Трибуны народов”, — писали они, — подверглась политическому преследованию. Правительство вынуждает ее прекратить свое сотрудничество в газете, и она уступает превосходящей силе и отстраняется»¹⁹.

Однако призывы, прозвучавшие со страниц созданного Мицкевичем печатного органа, всё так же вдохновляли народы на борьбу, их носителями по-прежнему были польские эмигранты, продолжавшие сражаться во всех итальянских провинциях — Пьемонте, Ломбардии, Тоскане, Венеции, Генуе, а затем на Сицилии. Они переходили из страны в страну: в частности, 160 солдат из польского легиона Мицкевича отправились в Венгрию для борьбы против австрийских войск. Поляки приняли участие и в революционном движении, разгоревшемся на территории германских государств: они были среди борцов, сражавшихся в Дрезденской революции 1849 г., а 300 «легионеров» стали активной силой Баденского восстания. Их борьба в Бадене имела целью, в частности, защитить заседавшее во Франкфурте Национальное собрание, поддержать процесс революционно-демократического преобразования Германии. Правда, в этом отношении польские эмигранты имели сомнения: «Трибуна народов», в целом симпатизировавшая немецким либералам, критиковала их за непоследовательность и предостерегала поляков от вмешательства в их внутреннюю борьбу. Мицкевич, связывавший надежды на революцию в Германии с делом польской независимости, указывал на необходимость объединения германских государств на демократическо-республиканской основе революционным путем и создания таким образом «народной империи». Решения Франкфуртского Национального собрания развеяли надежды поляков, тем более, что к 1849 г. революции в Бадене и Дрездене потерпели неудачу. Тогда же король Пьемонта отказался от продолжения военных действий, и польский легион

¹⁹ *Kieniewicz S. Historia Polski. S. 197–198, 202; Śliwiński A. Mickiewicz... S. 209, 223–226; Korespondencja Adama Mickiewicza. T. II. Lwów, 1880. S. 193; Мицкевич А. Собрание сочинений. Т. 5. М., 1954. С. 160–161; Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция... С. 132–133; Национальное движение в Центральной Европе... С. 151–154.*

был распущен. Но память о героизме и самоотверженности поляков, боровшихся за свободу европейских народов, осталась навечно, и эта память неразрывно связана с именем Адама Мицкевича²⁰.

Поражение революции 1848–1849 гг. в европейских странах не изменило революционных и патриотических стремлений поэта: и в последующие годы он искал возможность для продолжения борьбы как в Польше, так и в горячих точках Европы, стремился использовать осложнения международной обстановки. В 50-е годы XIX в., когда сложилась ситуация противостояния России с Францией и другими государствами и разразилась Крымская война, Мицкевич рассчитывал использовать трудное положение царизма для нового выступления поляков на освободительную борьбу. Поэт разработал представленный Наполеону III план так называемой Рижской операции, предусматривавший осаду Пскова; это было необходимо, чтобы не пропустить царские войска в Литву для подавления польско-литовских повстанцев. Предполагалось также создание польского легиона для участия в войне под национальными знаменами. С этой целью французское правительство направило Мицкевича в Константинополь, и там он общался с М. Чайковским, который под именем Садык-паши руководил отрядом «султанских казаков», сформированным из поляков и представителей других славянских народов²¹.

Активная политическая деятельность Мицкевича прервалась внезапно: ее оборвала смерть. Поэт умер от холеры в Константинополе в 1855 г., а затем тело его было перевезено в Париж. Последнее упокоение великий польский поэт-патриот, революционер и демократ нашел на родной земле в Краковском пантеоне.

Литература

1. Бакунин М.А. Собрание сочинений и писем. Т. 3. М.: Изд-во Всесоюз. О-ва политкаторжан и ссыльнопоселенцев, 1935.
2. Борисёнок Ю.А. Михаил Бакунин и «русская интрига». 1840-е годы. М.: Российская политическая энциклопедия, 2001.
3. Герцен А.И. Собрание сочинений в 30-ти томах. Т. X. М.: Издательство Академии наук СССР, 1956.
4. Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / отв. ред. С.М. Фалькович. М.: Индрик, 2001.
5. Малютин Г.А. Русский вопрос в общественно-политической мысли в 1830-е — начале 1860-х гг. СПб.: Нестор-История, 2013.

²⁰ Европейские революции 1848 года. «Принцип национальности» в политике и идеологии / Отв. ред. С.М. Фалькович. М., 2001. С. 262–264; Фалькович С.М. Польская политическая эмиграция... С. 133–135; Национальное движение в Центральной Европе... С. 88; *Kieniewicz S. Legion Mickiewicza. S. 162; Idem. Historia Polski. S. 200.*

²¹ *Kieniewicz S. Historia Polski. S. 205–206.*

6. Национальное движение в Центральной Европе: сотрудничество и контакты (30–70-е годы XIX в.). / Отв. ред. С.М. Фалькович. М.: Наука, 1991.
7. *Фалькович С.М.* Польская политическая эмиграция в общественно-политической жизни Европы 30-х — 60-х годов XIX века. М.; СПб.: Нестор-История, 2017.
8. *Фалькович С.М.* Религиозные течения в польской эмиграции на фоне подъема национально-освободительного движения в Польше в 50–60-е гг. XIX в. // *Studia Polonica. К 70-летию В.А. Хорева* / Отв. редактор В.К. Волков. М.: Индрик, 2002.
9. Discours de Thadée Krempowiecki prononcé à Paris le 29 Novembre 1832, anniversaire de la révolution Polonoise. Paris, 1833.
10. *Kieniewicz S.* Historia Polski. 1795–1918. Warszawa: PWN, 1969.
11. Legion Mickiewicza. Wybór źródeł / oprac. Henryk Batowski, Alina Szklarska-Lohmannowa; wstęp i red. całości H. Batowski. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1958.
12. *Lewak A.* Ideologia polskiego romantyzmu politycznego a Mazzini. Warszawa: [s.n.], 1934.
13. *Ludwikowski R.* Główne nurty polskiej myśli politycznej. 1815–1890. Warszawa: Państw. Wydaw. Naukowe, 1982.
14. *Łukaszewicz W.* Stanisław Gabriel Worcell. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej, 1951.
15. *Łukaszewicz W.* Wpływ masonerii, karbonaryzmu i Józefa Mazziniego na polską myśl rewolucyjną w latach poprzedzających Wiosnę Ludów. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1951.
16. *Mazzini J. Scritti.* Milano: Daelli, 1864.
17. *Mickiewicz A.* Dzieła. T. 6. Warszawa: Czytelnik, 1955.
18. *Mickiewicz W.* Żywot Adama Mickiewicza. T. IV. Poznań: [s.n.], 1895.
19. *Młynarski Z.* U źródeł polskiej demokracji. Kraków: Państwowy Instytut Wydawniczy, 1950.
20. *Nowak A.* Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji. 1831–1849. Warszawa: Instytut Historii PAN, 1994.
21. Postępowa publicystyka emigracyjna. 1831–1846. Wybór źródeł. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo PAN, 1961.
22. *Śliwiński A.* Mickiewicz jako polityk. Kraków: G. Gebethner, 1908.
23. *Zdrada J.* Wielka emigracja po powstaniu listopadowym. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza, 1987.

References

1. Bakunin M.A., 1935. *Sobranie sochinenii i pisem*. T. 3. Moscow: Izd-vo Vsesoiuz. O-va politkatorzhan i ssyl' nopoulosentsev, 1935.
2. Batowski, H., Szklarska-Lohmannowa, A. eds, 1958. *Legion Mickiewicza. Wybór źródeł*. Wrocław: Zakład Narodowy im. Ossolińskich, 1958.

3. Borisenok Yu.A., 2001. *Mikhail Bakunin i "russkaia intriga". 1840-e gody*. Moscow: Rossiiskaia politicheskaia entsiklopediia. 2001.
4. *Discours de Thadée Krempowiecki prononcé à Paris le 29 Novembre 1832, anniversaire de la révolution Polonoise*. Paris, 1833.
5. Herzen A.I. *Sobranie sochinenii v 30-ti tomakh*. T. X. Moscow: Izdatel'stvo Akademii Nauk SSSR, 1956.
6. Falkovich, S.M. ed., 2011. *Evropeiskie revoliutsii 1848 goda. "Printsip natsional'nosti" v politike i ideologii*. Moscow: Indrik, 2001.
7. Falkovich, S.M. ed., 1991. *Natsional'noe dvizhenie v Tsentral'noi Evrope: sotrudnichestvo i kontakty (30–70-e gody XIX v.)*. Moscow: Nauka.
8. Falkovich, S.M., 2017. *Pol'skaia politicheskaia emigratsiia v obshchestvenno-politicheskoi zhizni Evropy 30-kh — 60-kh godov XIX veka*. Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istoriia, 2017.
9. Falkovich, S.M., 2002. Religioznye techeniia v pol'skoi emigratsii na fone pod"ema natsional'no-osvoboditel'nogo dvizheniia v Pol'she v 50–60-e gg. XIX v. In: Volkov, V.K. ed. *Studia Polonica. K 70-letiiu V. A. Khoreva*. Moscow: Indrik.
10. Kieniewicz, S., 1969. *Historia Polski. 1795–1918*. Warszawa: PWN.
11. Lewak, A., 1934. *Ideologia polskiego romantyzmu politycznego a Mazzini*. Warszawa: [s.n.].
12. Ludwikowski, R., 1982. *Główne nurty polskiej myśli politycznej. 1815–1890*. Warszawa: Państw. Wydaw. Naukowe.
13. Łukaszewicz, W., 1951. *Stanisław Gabriel Worcell*. Warszawa: Wydawnictwo Ministerstwa Obrony Narodowej.
14. Łukaszewicz, W., 1951. *Wpływ masonerii, karbonaryzmu i Józefa Mazziniego na polską myśl rewolucyjną w latach poprzedzających Wiosnę Ludów*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy.
15. Łukaszewicz, W., Lewandowski, W. eds, 1961. *Postępowa publicystyka emigracyjna. 1831–1846. Wybór źródeł*. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk: Zakład Narodowy im. Ossolińskich Wydawnictwo PAN.
16. Maljutin G.A., 2013. *Russkii vopros v obshchestvenno-politicheskoi mysli v 1830-e — nachale 1860-kh gg.* Saint Petersburg: Nestor-Istoriia.
17. Mazzini, J., 1864. *Scritti*. Milano: Daelli.
18. Mickiewicz, A., 1955. *Dziela*. T. 6. Warszawa: Czytelnik.
19. Mickiewicz, W., 1895. *Żywot Adama Mickiewicza*. T. IV. Poznań: [s.n.].
20. Młynarski, Z., 1950. *U źródeł polskiej demokracji*. Kraków: Państwowy Instytut Wydawniczy.
21. Nowak, A., 1994. *Między carem a rewolucją. Studium politycznej wyobraźni i postaw Wielkiej Emigracji wobec Rosji. 1831–1849*. Warszawa: Instytut Historii PAN.
22. Śliwiński, A., 1908. *Mickiewicz jako polityk*. Kraków: G. Gebethner.
23. Zdrada, J., 1987. *Wielka emigracja po powstaniu listopadowym*. Warszawa: Krajowa Agencja Wydawnicza.